

СТРАННАЯ МИССИС НА КАБЛУЧКАХ РЮМОЧКОЙ

У всенародной любимицы Людмилы КАСАТКИНОЙ — премьера. Укротительница тигров, советская разведчица Аня Морозова, террористка Мария Захарченко, Мать Мария вот-вот выйдет на сцену Театра Российской Армии странной миссис Сэвидж. Постановщик спектакля — муж Касаткиной, известный кинорежиссер Сергей Колосов.

— У нас один артист любил повторять: "В театре трудно только первые тридцать лет, а потом — еще труднее", — рассказывает Касаткина. — Я в Театре Армии уже пятьдесят один год, поэтому у меня сейчас тот период, когда "еще труднее". Когда-то в "Сэвидж" с успехом выступали Фаина Раневская, Любовь Орлова, Вера Марецкая... Я не видела, как они играли, но, конечно, их судьбы, их призраки — рядом.

Мне кажется, тема пьесы актуальна для любого времени и любого государственного устройства. Когда дети стремятся подальше запереть свою мать, чтобы воспользоваться ее деньгами или, скажем, жилплощадью, это печально. Даже если мать — миллионерша... Я очень волнуюсь еще и потому, что у меня давно не было премьер — шесть лет ничего не репетировала. Последняя работа на нашей сцене — Елизавета в пьесе Людмилы Разумовской "Ваша сестра и пленница". Потом, правда, сыграла в антрепризном спектакле "Хочу купить вашего мужа", изъездила с ним не только Россию, но и США...

— Людмила Ивановна, ваша героиня — миллионерша; вы можете себе представить, что такое, скажем, миллион долларов?

— Самая большая сумма, которую я держала в руках, — тысяча долларов. Все, что выше, — тут надо включать актерское воображение...

— А как одета ваша Сэвидж — это что-то миллионерское?..

— Я бы не хотела до премьеры раскрывать тайну тех двух костюмов, что создала для меня талантливейший художник Алла Коженкова. Но если придете на спектакль, то сами убедитесь: костюмы — стильные и прекрасно выполнены. Время, в котором происходит действие пьесы, — пятидесятые годы двадцатого века; из этого периода — и мои наряды.

— В жизни вы так же внимательны к своему внешнему облику?

— К сожалению, нет. Все время я тратила на поиски тех аксессуаров, которые мне нужны не для жизни, а для спектакля или фильма. Я их искавила по магазинам, выпрашивая у подруг и знакомых. Это отмеченные печатью времени сумочки, нитяные перчатки; это украшения, которые мне делают ювелиры из серебряных ложек... Сейчас я искала зонтик для Сэвидж. Он должен был быть определенного цвета, размера, а раскрываться совсем другим, особым цветом. В общем, каким он должен быть, знала только я одна. Купить в обычном магазине его нельзя, поскольку он будет узнаваемым, а в антикварном салоне — слиш-

ком дорого... Для спектакля "Шарады Бродвея" мне необходима была сумочка, с которой героиня идет на прием, — я буквально грезилась этой сумочкой. И нашла. Это была прелестная вечерняя сумочка, очень дорогая.

— Сколько?..
— Не могу вам сказать: это случилось несколько лет назад, тогда были другие цены... Но представляете, я сыграла с ней лишь один спектакль: ее у меня украли.

— Скажите, а вам легко удастся схватить внимание зрительного зала — как быстро вы понимаете, какой перед вами зритель?

— Зал я чувствую очень хорошо. Вообще это тайна — увлечь зрителей. Перед тобой сидят много людей, все они излучают разную энергию. Один в плохом настроении, другой не выспался, третий чем-то раздражен... и вдруг все они забывают о своих проблемах, трудностях, заботах — и уже в твоей власти. Да, это тайна, но, говорят, я ею владею. Хотя разные бывают истории. Однажды играю спектакль и чувствую: что-то не так. В антракте прошу помощника режиссера: "Сходите, пожалуйста, в зал, посмотрите, кто сидит в пятом-шестом ряду справа, — они мне мешают". Он возвращается, говорит, кто там сидит. Я сразу поняла, что эти люди не то чтобы не любят меня, а просто недобрые. И во втором акте стала играть, полностью переключившись на другую половину зала...

Была у меня интересная встреча с психиатрами. Как-то в театре, в большом зале, проходил съезд психиатров, а у нас шли репетиции. Я в перерыве спустилась в большой зал — меня узнали, и вот я уже в окружении психиатров, которые протягивают мне свои визитные карточки. Я удивилась: "Зачем? Вы что, видите во мне своего будущего пациента?.." А они отвечают: "Нет, мы просто восхищаемся вами. Ведь вам удается овладеть залом, а то время как мы с трудом справляемся с одним человеком". И я расплакалась.

— У вас есть на сцене любимый цвет?

— Безумно люблю белый, а еще — сиреневый, но не густой, а легкий, теплый. Люблю легкие, струящиеся ткани. А сиреневый, если я его вижу на сцене, может мне поднять настроение, подарить состояние беззаботности. Поскольку всякие бывают моменты: скажем, твой партнер вчера сильно выпил, а ты сегодня с ним играешь. А если тебе в этой сцене еще и целоваться с ним...

— Какая мерзость!

— Но, к счастью, актеры умеют целоваться не в губы: это зрители думают, что в губы, на самом деле это особое сценическое мастерство — создать видимую поцелуя.

— Но в кино ведь — по-настоящему?..

— Да, если крупный план. Вообще не люблю, когда в иностранных фильмах целуются не просто зазас, а долго всасывая губы друг друга. Боюсь, как бы при этом мостик или зубик вместе с поцелуем не попал в гортань партнера или партнерши... Очень опасно!

— Надеюсь, вы не против поцелуев?

— Я не против ничего. И постельные сцены — пожалуйста, но это должно быть красиво, а когда исчезает тайна, то становится скучно. Мне нравится фильм Клода Лелюша "Мужчина и женщина": там ничто не шокирует — и постель есть, и когда у героини вдруг из глаз текут слезы... И как это красиво!

— Людмила Ивановна, а высота каблука для вас в жизни имела значение? Когда чем выше, тем женственнее?

— Шпилек никогда не любила. Шпилька — совсем не женственно, и есть опасение, что кого-нибудь случайно уколешь. Мне нравятся греческая обувь, платформа с прослойкой и ремешки, охватывающие щиколотку. А так всегда носила туфли на устойчивом каблуке, но не широком — высотой сантиметров шесть-семь. И очень люблю каблук рюмочкой.

— А ваше отношение к празднику 8 Марта?

— Считается, что в этот день мужчины что-то должны дарить женщинам, оказывать им всевозможные знаки внимания. В действительности получается, что ты в этот день работаешь, как в обычные десять. Во всяком случае, у меня встречи, выступления — буквально рвут на части... Я счастлива, что есть День благодарения, Рождество, Новый год, великий День Победы, а 8 Марта — это несерьезный, игрушный праздник.

Владимир КОТЫХОВ.

ГЕНАДИЙ АВРАМЕНКО